

safari

Борис Херсонский

с а ф а р и

НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

CF FOLIO

Сафари

Борис Херсонский

Новейшая история средневековья

«ОМІКО»

2019

УДК 821.161.1(477)

Херсонский Б. Г.

Новейшая история средневековья / Б. Г. Херсонский —
«ОМКО», 2019 — (Сафари)

Новая книга Бориса Херсонского – плод многолетней работы и глубокого интереса автора к эпохе т. н. «темного средневековья», которое, по словам Станислава Ежи Леца, бывает в каждом столетии. Многие из стихов как бы перебрасывают мостик между событиями минувших веков и современностью, не менее темной и трагической. Разумеется, в основном мы имеем дело с несуществующими городами, которые населяют вымышленные персонажи. Если святой Христофор – известнейший святой, то святой Бонифаций Выпрямленный – плод фантазии автора, как и герцог – изобретатель примитивной канализации. Бог и Сатана, ангелы и разнообразные черти и демоны населяют смысловое пространство этих стихов, но одним из главных персонажей является величественная романская и готическая архитектура и средневековая живопись. Отдельную часть книги составляет «Новый Естествослов» – стилизованные и иногда пародийные описания животных, птиц и насекомых, сопровождаемые нравственными поучениями в духе средневековья. В этот перечень вкрапляются стилизованные славянские легенды.

УДК 821.161.1(477)

© Херсонский Б. Г., 2019

© ОМКО, 2019

Содержание

«Сцепенье, расхождение, сплетенье...»	5
«Человек никогда не бывает один. Рядом...»	6
«В тот вечер ко мне пришел школьный товарищ...»	7
«Улочка слишком узка. Когда из окна...»	8
«Во времени, как и в пространстве, есть святые места...»	9
«В алтаре епископ и служка вдвоем...»	10
«Вот Сатана. Он едет верхом...»	11
«Завершая чертить по велению господина...»	12
«Средневековье бывает довольно часто...»	13
«Граф и графиня – самец и самка...»	14
«И еще – закрыв глаза, представляешь лазурные воды...»	15
О змее Гаргулье	16
«Жила Гаргулья на дне реки...»	16
«что бы ни говорили богослов и философ...»	18
«Да так ли владетелен этот владетельный князь?...»	19
«Богослов говорит королю: Размышляй о смерти...»	20
«На зеленых холмах стоим, охраняем даты...»	21
«Статуя в нише. Витраж в окне. Пейзаж или портрет...»	22
«Это стихи об отсутствии времени. Вот актер...»	23
«Нет, это не жизнь. Скорей – удачный эскиз...»	24
Легенда о святом Христофоре	25
«Средневековый замок массивен, страшен...»	30
Питер Брейгель	31
«Средневековый дантист вырывает зубы клещами...»	31
«Средневековая прачка, согнувшись, стоит у корыта...»	32
«Средневековая девка торгует средневековыми овощами...»	33
«Томаты, картофель отсутствуют – Америка не открыта...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Херсонский

Новейшая история средневековья

«Сцепенье, расхождение, сплетенье...»

Сцепенье, расхождение, сплетенье
трех нот в грегорианском песнопенье.

Теченье-лопотание потока,
латыни шелестящая осока.

Здесь символ Агнца видит символ Рыбы
глядясь в быстротекущие изгибы.

Здесь крест сияет меж рогов оленя,
здесь просит лев: «Прими мои моления!»

Здесь скалы говорят о твердой вере,
полет голубки – о грядущем веке.

Здесь, пошатнувшись, можно опереться
на что угодно. Жаль – не отогреться.

Здесь яд светлеет, смешиваясь с кровью
и ангел ставит камень к изголовью.

«Человек никогда не бывает один. Рядом...»

Человек никогда не бывает один. Рядом
Или, вернее, над, глядит немигающим взглядом
Господь, а в подполье мышью скребет Сатана.
Иногда он выскакивает на пружинке.
Это он, я знаю его ужимки,
Да и тень на стене хорошо видна.

Я бросаю в него чернильницей. Мимо!
Он смеется беззвучно, рожи корчит незримо,
По стене растекаясь, причудливое пятно,
Напоминает, опять же, исчадь ада.
Из окна доносится бляенье стада,
И вечерний свет заполняет окно.

Городок сжимается, в небо выставив шпиль.
Ратуша и Собор. Кто знает, зачем мы жили?
Между Спасеньем и гибелью, как между двух огней,
Между матерью и отцом – духовной и светской властью.
Между бездной и бездной. Между страстью и страстью.
Спит душа. Холодные звезды стоят над ней.

«В тот вечер ко мне пришел школьный товарищ...»

В тот вечер ко мне пришел школьный товарищ в епископском облачении. Он предложил мне исповедоваться и причаститься. Предложение, которое не отклоняют. Потом он помазал меня освященным миром, сказав: Благодарите! Этим святым помазанием Господь Иисус прощает вам все грехи, которые вы совершили. Скоро за вами придут. Не пытайтесь скрыться.

Еще бы я не пытался! По сути, все эти годы были попыткой скрыться. Довольно часто – удачной. Тело – под рясой или плащом. Лицо – под стальным забралом, или, если сдует, под карнавальной маской.

Не помню, как спустился по склону холма, продираясь сквозь низкий бурый кустарник. А вот и берег полноводной реки. Еще минута, я в лодке. Отталкиваюсь веслом. Течение лодку уносит, уносит быстрее, чем нужно. Намного быстрее.

Я оглянулся, но вместо холма увидел огромного старика, поросшего красно-бурым кустарником, чахлым еловым лесом. Старик сидел неподвижно, охватив лодыжки руками, упиравшись мохнатым подбородком в колени, вытянув губы трубочкой, глядя прямо вперед неподвижным стеклянным взором.

Я трижды перекрестился. Но видение не исчезло.

«Улочка слишком узка. Когда из окна...»

Улочка слишком узка. Когда из окна
льют нечистоты – не увернуться. В столице
дела обстоят иначе. Там повсюду видна
рассудительность герцога, да продлится
время его владычества! – молится вся страна.

Там вдоль домов – канавы. На каждом доме балкон
закрытый, но с круглой дырой в полу. Оттуда
вниз низвергаются желтые струйки, или слышится стон:
кто-то выдавливает экскременты. Ночная посуда
там не нужна. О, герцог! О нас позаботился он.

Конечно, по улице ходят посередине, гуськом.
Опять же запах. Но лучше с плеском в канаву,
чем прямо на голову. Даже мечтать о таком
прежде не смели. На площади видишь ораву
восторженных граждан. Герцог сидит верхом

на любимой кобылке. Как любимой? Это вопрос.
Всякое говорят. Скотоложство – личное дело
скотоложца. Пустяк, если вспомнить горбатый нос
герцогини, ее большое, должно быть, дряблое тело,
собранный на макушке узел седых волос.

Закипая, огромное облако заполняет весь небосклон.
Но толпа не расходится. Также и смена столетий
не мешает сброду сбегаться со всех сторон,
чтобы увидеть как герцог, епископ и некто Третий
посредине площади плотью выкармливают ворон.

«Во времени, как и в пространстве, есть святые места...»

Во времени, как и в пространстве, есть святые места.
Места паломничества. Здесь нечестивых уста
в кровь замолкают, припадая к подножью Креста.

Здесь капюшон закрывает верхнюю половину лица.
но по излому губ и острому подбородку узнаешь гордеца.
Потом – второго и третьего. И так – без конца.

Посмертные судьбы врагов разведены по полюсам:
в пылающий центр земли, к слюдяным небесам,
совершенно безоблачным. Что хуже? Не знаю сам.

Поющие ангелы. Квадратные ноты. Круглые рты.
Ниспадающие одежды скроены из пустоты.
Господи, я взываю к Тебе, но не слышишь Ты

ни моей мольбы, ни его, ни, вообще, ничьей.
По цветущему лугу бежит звенящий ручей.
У разрушенных врат алебастровый старец со связкой ключей.

«В алтаре епископ и служка вдвоем...»

В алтаре епископ и служка вдвоем
играют в кости. Не кончить добром.
дела. Из белого облака гром
раздается в ответ броску:
выпало три шестерки. Через оконный проем
видны Пантера с Волчицей, направляющиеся к леску,
состоящему из темных штрихов и травяных завитков.
Плоды, что капельки крови. На лужайке альков
под голубым балдахином. Стынет единорог
в объятиях хладной девы. Он неестественно бел.
что еще заметнее среди осыпавшихся лепестков
неизвестных цветов. Пусть зритель не будет строг:
Создатель раскрасил все, как умел.

Вместо окон в трактире – буквы, внутри
которых лица людей и демонов. Не смотри
в глаза ни тем, ни этим, ни себе, ни другим,
поскольку глаз уже нет. Мы не храним
зрительных впечатлений. Единственный твердый взор
спрятался в треугольнике меж вершинами ближних гор.

«Вот Сатана. Он едет верхом...»

Вот Сатана. Он едет верхом
на хромой седой кобылке с грехом
пополам, с погибелью накоротке.
Проезжает узкую улочку. Вдруг
перед ним – река и цветущий луг,
и лодка плывет по реке.

На одной ноге, на самой корме
стоит монах не в своем уме,
с горящим крестом в руке.
Он корчит гримасы, поскольку огонь,
разгорается, жжет ладонь.
И лодка плывет по реке.

Огромные рыбы всплывают со дна.
В чешуе отражается седина:
бес в ребре, седина в бороде.
В облаках читают псалом чтецы.
Дьявол скачет во все концы,
а лодка плывет нигде.

В небе – Агнец с крестом меж рогов
смотрит вниз. Он видит врагов
соцветьем несчетных глаз.
Он видит всадника и пловца,
пешего, лешего, подлеца,
но прощает – на этот раз.

«Завершая чертить по велению господина...»

Завершая чертить по велению господина
план нашего города, вздрогнул от ошущенья,
что нечто подобное видел буквально мгновенье
назад. Конечно! Вот она, паутина,
удвоенная на известке тенью.
В центре паук. Сегодня он явно не в духе.
Белый крест на сером куполе-брюхе,
серебрящемся от бархатистого ворса.
Поджатые лапы, что твои контрфорсы.
Коконь бывших мошек повисли,
как трупы казненных воров на скрещеньях
улочек-паутинок. Так вот кому мы уподоблялись,
поспешно застраивая долину.
Раскинули сеть, да сами в нее и попались.

Теперь я точно знаю, что скоро покину
это место через единственные ворота,
оставшиеся из двенадцати, сделанных в подражанье
Новому Иерусалиму, но неохота
было стеречь все двенадцать. Содержанье
стражи влетало в копейку. Врата заложили
серым камнем. И кто поверит, что в городе жили
честные граждане? Что здесь заварилась смута?
Все равно ее подавили. Здесь часто молились кому-то.
Но если быть откровенным – чаще кого-то боялись.

Потом большинство уйдет. Потом умрут, кто остались.

«Средневековье бывает довольно часто...»

Средневековье бывает довольно часто
И длится довольно долго, обычно не совпадая
Со временем нашей жизни. Оно бывает уделом
Мертвых девственниц, королей, архиепископов, нищих,
Продолговатых статуй слепых от рождения,
В ниспадающих складках, застывших в нишах.
От средних веков остаются сооружения.
Камень на камень наваливается всем телом.
Синагога с завязанными глазами стоит, рыдая.
Рядом с ней улыбается Церковь. Вероятно, от счастья.
Средневековье бывает у мертвых. Нам от этого рая
Остается то античность, то просвещение, то возрождение.
Мы строим, мы ходим строим. Под звуки грачиного грая
Выносят знамя особо отличившейся части.
Следом за флагом Свобода приходит нагая,
Не терпящая послушанья, ни, тем более, возраженья.

Средневековье в отстое. Возрождение – это круто.
Вот оно опять подступает вплотную к гетто,
Где упакованы в прочные стены (брутто)
Страх и трепет еврейской души (бесплотное нетто).

«Граф и графиня – самец и самка...»

Граф и графиня – самец и самка,
их дети, слуги и повара
съехали с загаженного ими замка
в новый. Вдали виднелась гора,
река текла у ее подножья,
монастырь, вернее, руины его,
подсказывал графу, что воля Божья
не сулит хорошего ничего.
Новый замок был многоэтажен.
Рыба и раки водились в реке.
Этот замок тоже был вскоре загажен,
но новый был выстроен невдалеке.
А простой народ не боялся кала,
Он вывез его на свои поля.
Говорят, и поныне не перестала
плодоносить эта земля.
Между тем проходили века. Мне
известно, а если кому невдомек,
скажу – был замок разобран на камни,
а из них был выстроен городок.
Важные птицы ходили по пашне,
валуны катились с окрестных гор.
И унылый охранник торчал на башне,
сохранившейся до сих пор.

«И еще – закрыв глаза, представляешь лазурные воды...»

И еще – закрыв глаза, представляешь лазурные воды.
Это лагуна. На берегу небольшой укрепленный город.
Над лагуной облако. Ангелы, словно годы,
медленно пролетают. В церкви тяжелые своды
держатся на молитвах, о том, чтобы не постигли
град ни огонь, ни меч, ни потоп, ни голод.
Послушник в белом ползет к прелату. Его постригли.

Между тем противник ведет осаду, запас еды на исходе.
В колодцах вода зацвела. Моровое поветрие у порога.
Но это – обычные вещи. Все ведут себя, вроде
ничего не случилось. Девушка-недотрога
ушла с солдатом. Ноги торчат из стога
прошлогоднего сена. Князь заботится о народе.

Все навсегда пропало. Никто не заметил пропажи.
На рынке хриstopродавцы кричат, набивая цену
На дозорной башне пелят пустые глазницы стражи,
ослепленные за неспособность видеть сквозь стену.

О змее Гаргулье

«Жила Гаргулья на дне реки...»

Жила Гаргулья на дне реки,
иногда пробираясь в пруды.
Она топила в реке челноки,
извергая струи воды.

Она глушила рыбу в пруду
мощным ударом хвоста,
пока святой, ей на беду,
не смирил ее силой креста.

Он смирял змею то крестом, то постом
и навек отвратил от зла,
и в город пошел, и, виляя хвостом,
Гаргулья за ним поползла.

И собрался на площади добрый народ,
и Гаргулью пинал дотемна,
и каждый топтал ее в свой черед,
пока не издохла она.

Мил человек! Будь послушен судьбе
и зла не твори в миру,
но если творишь, то лучше тебе
не обращаться к добру,

упаси тебя Бог смиряться постом
и белых овечек пасти,
и, тем паче, на брюхе, виляя хвостом,
вслед за святым ползти.

Живи среди мирской суеты,
не проливая слез.
Но хуже всего, человек, если ты
стихи эти примешь всерьез!

Al mare m. d. d. e. u. g. f. e. l. e. u. a. n. t. e. s. e. t. r. o. u. a. n. o. s. i. m. i. l. e. s. o. r. t. e. d. e. f. e. m. i. n. e. l. e. q. u. e. s. o. n. o. m. o. l. t. o. g. r. a. n. d. i. s. i. m. i. l. e. e. l. c. o. l. l. o. l. e. g. h. o. f. u. o. r. a. d. i. n. a. t. u. r. a. l. e. b. r. a. z. z. e. s. p. o. n. t. a. n. t. e. c. o. l. l. o. g. a. b. e. e. t. n. e. l. l. e. p. a. r. t. e. d. i. d. r. i. t. t. o. h. a. n. n. o. d. e. c. a. m. b. e. a. s. s. i. m. i. l. e. a. d. d. u. e. p. i. e. d. i. f. o. r. m. a. n. t. e. c. o. l. l. o. d. e. a. s. s. i. m. i. l. e. a. l. t. e. a. n. i. m. a. l. i. e. b. e. s. t. i. a. d. e. s. t. e. p. e. r. t. e. q. u. a. r. t. o. s. t. a. t. o. l. i. i. n. o. p. o. t. r. a. d. e. l. i. q. u. a. l. i. d. u. e. s. e. a. l. l. e. u. a. n. o. e. d. u. e. n. e. a. m. a. r. g. o. e. s. o. n. o. t. a. t. e. a. s. i. n. d. e. l. e. q. u. a. l. e. f. a. n. n. o. f. o. r. m. a. z. z. o. p. e. r. l. o. r. u. i. u. r. e. l. i. s. u. a. m. m. a. i. s. c. h. i. s. o. n. o. s. i. m. i. l. e. a. e. s. t. e. s. u. l. u. a. n. o. n. h. a. n. n. o. s. i. g. r. a. n. c. o. r. p. o. e. t. e. t. e.

«что бы ни говорили богослов и философ...»

что бы ни говорили богослов и философ
алхимик астролог сюзерен и вассал
средневековье было временем каменотесов
а собор был одновременно и почтамт и вокзал

отсюда в путь отправлялись кто в выси а кто в глубины
а остаток ложился под плиты в ожиданье суда
здесь получали весточки из океанской пучины
из заоблачных далей послания доходили сюда

здесь присутствие камня заменяло присутствие духа
здесь образы юных мучениц пленяли мужей седых
здесь глуховатые старцы не напрягая слуха
слышали голоса архангелов и святых

здесь звери и чудища с каменных крыш склонялись
и в грозу из разинутых ртов вниз низвергалась вода.
здесь маски демонов друг над другом смеялись
и витражи сияли как небесные города

здесь каменная Соломея на каменном блюде
каменную главу предтечи гордо несла

все это сделали мастеровые люди
не оставившие нам секретов своего ремесла

«Да так ли владетелен этот владетельный князь?..»

Да так ли владетелен этот владетельный князь? —
думает рыцарь, перед князем склонясь.
Всех-то владений осталось – клочок земли,
хозяйственные постройки, от замка – одна стена,
к которой ставят мятежников и командуют «пли»!
а также церквушка, знавшая лучшие времена.

Да и сам владетельный князь сгорбился и усох,
делает вдох, а получается – вздох.
Здоровье не то, все лето ходит в пальто,
говорят, сэконд-хэнд, то есть – с чужого плеча.
Выйдет на улицу – его не узнает никто.
Носит зонтик – на всякий случай – вместо меча.

Потому что дождь собирается, а войны как-то не ждешь,
и прогноз погоды третий век обещает дождь.
А война никем не обещана, никем не предсказана, но
все же случается – думает рыцарь – авось сгожусь.
А маме скажу, что меня снимают в кино
про нечестивых рыцарей и про святую Русь.

«Богослов говорит королю: Размышляй о смерти...»

Богослов говорит королю: Размышляй о смерти,
а не о кончине мира. Пусть размышляют смерды! —
отвечает король. Но дело-то в том,
что смерд склонен к действию, не к размышленью.
Он отличается силой, злобностью, ленью,
выпьет, закусит, а после лежит пластом.

Вспашет поле, засеет, прополет грядку.
Раз в столетье бунтует – нужно призвать к порядку.
Когда повесить, когда наказать рублем,
объединить в колхозы, сослать на кулички к бесу.

Богослов облачается, служит тихую мессу
и потом допоздна беседует с королем.

«На зеленых холмах стоим, охраняем даты...»

На зеленых холмах стоим, охраняем даты,
условно разделяющие две минувших эпохи.
Ожидая приказа, приплясывают солдаты,
чистят ржавые латы. В общем, дела наши плохи.

Выщвели небеса. Они опускаются ниже.
Дни сжимаются от несчетного повторенья.
Из ближней церквушки доносится: «Иже
Херувимы» или похожее песнопенье.

Идут прокаженные. Колокольчики, балахоны.
Стопы обмотаны тряпками. Лица закрыты.
Из церквушки выносят целительные иконы.
Прокаженные очищаются. Пляска святого Витта

нападает, не медля, на исцеленных. Уходят бедняги,
приплясывая, в Богемию. Утомительное занятие.
Очистишься от проказы. Потом доберешься до Праги.
Там исцеляют хорею. Потом иное проклятье

падет на коснувшегося гробницы калеку.
И вновь – в дорогу. Заработаешь на продаже
индульгенций, промотаешь все. А пропащему человеку
остается одно: взять копьё и стоять на страже.

«Статуя в нише. Витраж в окне. Пейзаж или портрет...»

Статуя в нише. Витраж в окне. Пейзаж или портрет
Внутри заглавной буквы. Все на своих местах.
Перстень, ларец и сердце. У каждого – свой секрет.
В перстне – отравы, в ларце – завещание, в сердце – страх.

В стене за портретом скрывается вход туда,
Откуда выхода нет, и не может быть.
По сводам стекает мутной струйкой вода.
Высохли кости мои. Боже, как хочется пить!

Пустые глазницы мои заполняет свет.
Воздух в клетке грудной заперт – не продохнуть.
Этот скелет покоится тысячу лет —
Бормочет экскурсовод. И продолжает путь.

Цепочкою вслед за ним уходят люди в плащах,
Кожаных куртках или демисезонных пальто.
Они любят наспех, похмеляются натошак.
Всегда торопятся. Нужно спешить, а то

Опоздаешь к отправке автобуса. Около двух
Минут займет обозренье страдающего Христа.
Ангел поет хорал. У него – абсолютный слух.
Может напеть по памяти или прочесть с листа.

«Это стихи об отсутствии времени. Вот актер...»

Это стихи об отсутствии времени. Вот актер
возлежит на ложе. Вокруг суета: очередная смена
декораций. У столба раскладывают костер.
Костер догорает. Река, голубая, как вена
на локтевом сгибе, течет по холсту слева
направо или справа налево. Непорочная Дева
стоит на центральной площади, удивленно
озираясь. Выставив копья, колонна
нарисованных воинов марширует куда-то,
скорее всего, в Палестину. Точные даты
никому не известны. Точное время тоже.
Пепел уносит ветром. Актер возлежит на ложе.

Собственно, есть часы. Солнечные. Но стрелка,
вернее, тень от нее, не имеет значения. Ибо
небо затянуто облаками. Цифры написаны мелко.
Читать никто не умеет. Что ж, и на том спасибо.

Лицедей не действует и не имеет лица. Его не станут
хоронить в освященной земле. Но землю и святость забыли
за пределами декораций. Бумажные розы не вянут.
Их вечной красе не помешает ничто, кроме пламени или пыли.

«Нет, это не жизнь. Скорей – удачный эскиз...»

Нет, это не жизнь. Скорей – удачный эскиз
неудавшейся жизни. Так, ступив на карниз
и оступившись, с ужасом смотришь вниз

и видишь просторные бархатные луга,
петлистую реку, размывающую берега,
а дальше – края, куда не ступала нога.

А выше – небо, куда не залетало крыло,
где кучевое облако никогда не плыло,
где не светит солнце – и без того светло.

На лугу – теленок. У теленка две головы.
Рядом с овцами мирно пасутся львы.
Мяса не ест никто. Проблема в нехватке травы.

Прозрачную воду не рассекает плавник.
На поплавок не глядит, набычившись, отставник.
Восковой младенец к янтарной груди приник.

Между греком и итальянцем время зажато в тиски,
где рай и геенна, как муж с женою близки,
на влажной простыне – черные, курчавые волосы.

Умей наслаждаться. Каждый день напивайся пьян,
приводи ежемесячно новую девушку из крестьян,
каждый год четвертуй смутьяна, если найдется смутьян.

Раз в пять лет выбирайся к герцогу на турнир,
там герцогиня, сидя под лозунгом «миру – мир!»,
дает для храбрости рыцарям рыбий жир.

Теперь – опускай забрало. Скачи, наставив копье,
сквозь щель любуясь на Даму, ее цветное тряпье.
И если днем победишь, то ночью получишь Ее.

Легенда о святом Христофоре

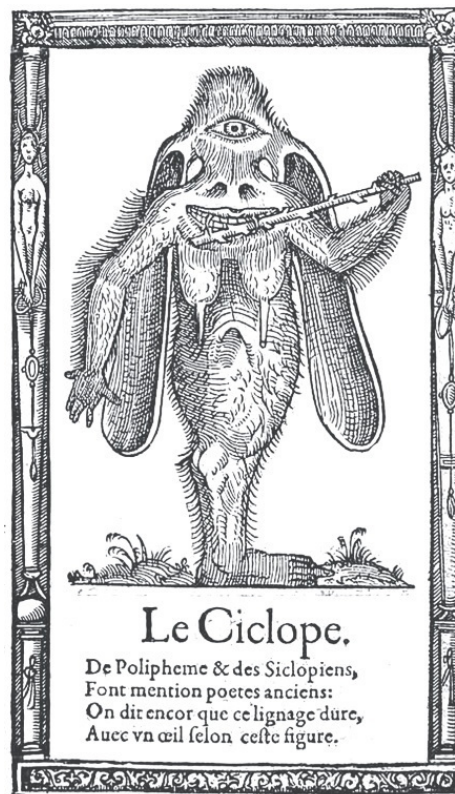
* * *

Крепкий воин, святой Христофор
искал господина себе подстать.

Пришел Христофор
на княжеский двор —
служить могучему князю.

* * *

Сильна была Христофора рука,
глаза горели огнем.
Бежали вражеские войска,
только слышав о нем.

* * *

Святой Христофор
служил до тех пор,
пока не увидел,
что князь опасается черта.

* * *

И вот, святой Христофор
предстоит князю, говоря:
«Не могу послужить тебе,
ибо знаю того, кто сильнее тебя.
Тому послужу со многим
прилежанием и всяким усердием».

* * *

И ответил князь:
«Служащий проклятому —
проклятие стяжает,
иди, куда знаешь,
не знаешь, куда идешь».

* * *

Крепкий воин, святой Христофор
искал господина себе подстать.
Хоть сам был не рад,
отправился в ад
служить поганому бесу.

* * *

Даже в аду отличался он
неодолимой силой.
Не мог сравниться с ним легион
нечисти тупорылой.

* * *

Святой Христофор
служил до тех пор,
пока не увидел,
что бес боится креста.

* * *

И вот, святой Христофор
предстоит дьяволу, говоря:
«Не могу послужить тебе,
ибо знаю того, кто сильнее тебя.
Тому послужу со многим
прилежанием и всяким усердием».

* * *

И ответил Сатана:
«Служащий кресту
крест стяжает,
его же несет,
на нем же распинается.
Иди, куда знаешь,
не знаешь, куда идешь».

* * *

Крепкий воин, святой Христофор,
святой Христофор – исполин
Долго блуждал среди каменных гор,
среди цветущих долин.

* * *

Святой Христофор
Блуждал до тех пор,

пока не вышел к реке.

* * *

И сказал Христофор в сердце своем:
«Понесу тяготы ближнего моего,
силу свою во благо человекам употреблю:
пришедшего к берегу на плечах своих
на иной берег перенесу.
Тем обрету благо
пред лицом Господа моего».

* * *

Так Христофор
поступал до тех пор,
пока к реке не пришел Младенец.

* * *

И в тот же миг, когда Христофор
посадил Младенца на плечи,
замкнулся слух, помутился взор,
лишился он дара речи.

Но мощный Голос из облаков,
пока Христофор Младенца нес,
возглашал: «Блажен ты вовек веков!
Младенец этот – Христос!».

* * *

Еще говорит о Христофоре народ,
Что был Христофор чудовище, псоглавый урод,
сиречь имел песью главу, и на сей главе
шерсть, подобную высохшей пустынной траве.

* * *

И еще ходит слух, был он египетский бог
Анубис, вернее сказать, отвратительный бес,
обретший, однако, благодать пред Господом,
в Которого и бесы веруют,
и пред Ним же трепещут
по слову Апостола.

* * *

Выслушаем со вниманием!

Если и таковому
указал Человеколюбец Бог
путь к спасению,
из ада извел,
из Египта воззвал,
коим паче укажет путь
нам, маловерам!

«Средневековый замок массивен, страшен...»

Средневековый замок массивен, страшен.
Хотя чего тут бояться? Всего лишь глубокий ров,
высокие стены, несколько круглых башен,
на каждой несколько пушек... Но вот хозяин – суров.

А так – ничего. Ну, горят костры под котлами.
Котлы, как известно – с расплавленной черной смолой.
А ты на стену не лезь, занимайся своими делами,
выноси с завода продукцию под полой.

С утра, выходя из хрущевки, открой свой почтовый ящик,
достань четыре газеты, открытку и два письма.
Поприветствуй старух, у входа на скамейке сидящих,
наблюдательных, разговорчивых, осведомленных весьма.

Хотелось на завтрак яйцо в мешочек, а получилось – вкрутую.
Надо вилкой размять и добавить майонез-провансаль.
Пятилетний внук кричит: Дед, я тебя нарисую!
Ты идешь по дороге, а дорога уходит в даль.

Для перспективы нужно, чтобы дорога сужалась,
уменьшались деревья, а далеко впереди,
чтобы громада замка с башнями возвышалась.
Любуйся издалека. Близо – не подходи.

Питер Брейгель
(венок восьмистиший)

«Средневековый дантист вырывает зубы клещами...»

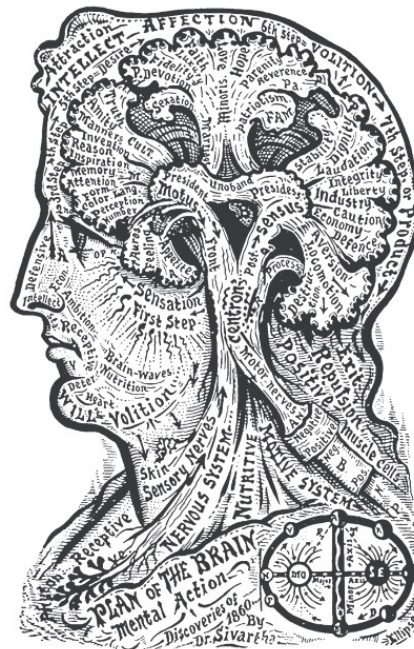
Средневековый дантист вырывает зубы клещами.
Пациент вспоминает грехи и картины ада.
Лица невинных девушек, усыпанные прыщами,
сияют от счастья – их ждет на небе награда.
Звуки органа слышны из открытых дверей собора.
К ратуше едет всадник – искры из-под копыта.
Бог видит все и не отводит взора.
Средневековая прачка, согнувшись, стоит у корыта.

«Средневековая прачка, согнувшись, стоит у корыта...»

Средневековая прачка, согнувшись, стоит у корыта.
Все, что ни делаешь, лучше делать согбенно.
Это особенность средневекового быта.
То же и в наши дни, говоря откровенно.
В каждом веке есть место средневековью.
Так писал Ежи Лец. Идет процессия со свечами.
Средневековая ненависть прикидывается любовью.
Средневековая девка торгует средневековыми овощами.

«Средневековая девка торгует средневековыми овощами...»

Средневековая девка торгует средневековыми овощами,
репа напоминает огромные женские груди.
Капустные кочаны обернутся жидкими щами.
Немного подгнили – но покупают люди.
Морковки как фаллосы – стыдно потрогать рукою.
Редька как наша жизнь – горька, черна, неумыта.
Лук растет головою в землю. В земле есть место покою.
Томаты, картофель отсутствуют – Америка не открыта.

«Томаты, картофель отсутствуют – Америка не открыта...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.